

душевные пороки произвольны, но у некоторых людей даже и телесные, поэтому-то их и хулят; кто природой обезображен, того никто не хулит, а только тех, которые обезображены от недостатка телесных упражнений и небрежности; то же относится к телесной слабости и искалечению: никто не станет бранить слепого от природы, или от болезни, или от удара, а станет жалеть его; но всякий станет хулить (ставшего слепым) от пьянства или иного вида невоздержанности. Итак, порицаются те телесные недостатки, которые в нашей власти, те же, которые не в нашей власти, — нет».¹⁴ Сравним этот отрывок с христианской редакцией учения о свободе выбора в статье «О самовластном человечестве» в «Диоптре» по списку XV—XVI вв.,¹⁵ впрочем, совпадающему со списком «Диоптры» XIV в.¹⁶

Статья начинается словами: «Бог человека созда самовластна, словом и премудростию почте ег[о], пред очима его положи живот и смерть (это текст из XXX главы Второзакония, — А. К.), яко да въсхошет самовластием своим в пут животный пойти, жив будет въ веки, аще от злог[о] произволения своег[о] пойдет в пут смертный, вечно мучим будет».

После этого вступления статья, в духе приведенного выше отрывка из Аристотеля, разъясняет, что за свои природные физические недостатки человек не несет ответственности: «... никто же бо осужен быс когда, заеж быти бел или чернь, или долог или мал. Ни бо суть нашег[о] произволения».¹⁷

Укажем на одно очень важное отличие христианского учения о нравственной свободе от соответствующих учений Платона и Аристотеля. Последние считали действия человека свободными при двух условиях: непорабощенности внешней силой и непорабощенности заблуждениями. Они не считали свободным человека, находящегося во власти неведения. Действия такого человека, по мнению Платона и Аристотеля, были слепыми. Это второе условие открывало выход умственным силам человека, самовластною ума, которое дополняло самовластие души и вооружало человека на борьбу против власти тьмы.

Отсюда то огромное, решающее значение, которое Аристотель, как и Платон, отводили мудрости в своих понятиях о нравственной свободе. Это второе условие Платона и Аристотеля было сведено христианством к мудрости в познании христианства. Для христианства началом и концом мудрости было оно само.

Как уже указывалось, патристика широко воспользовалась античным принципом естественной меры («ничего лишнего!»). Этот принцип, намеренный в системе Платона, Аристотель развивал так: «... добродетель... точно так же как и природа, должна стремиться к середине».¹⁸ Те результаты деятельности были, по Аристотелю, совершенными, «от которых нельзя ничего ни отнять, ни прибавить, так совершенство уничтожается избытком и недостатком, а сохраняется серединой».¹⁹ Отсюда, пояснял Аристотель, «мужество — середина трусости и отважности... В области наслаждений и страданий... середину мы называем умеренностью, избыток — невоздержанностью... щедрость — середина относительно траты

¹⁴ Аристотель. Этика, стр. 48.

¹⁵ Рук. № 505 собр. Пискарева в ВБЛ.

¹⁶ Рук. № 15/15 Чудовского собр. в ГИМе.

¹⁷ Рук. № 505 собр. Пискарева в ВБЛ, л. 210.

¹⁸ Аристотель. Этика, стр. 30.

¹⁹ Аристотель. Этика, стр. 30.